

УДК: 398.8 (=411.16)

Е. А. Либерт

Институт филологии СО РАН

**Городской еврейский фольклор
(на материале песен, собранных в Новосибирске)**

Еврейские песни, исполняемые носителями идиша в наши дни – редкость, своего рода реликт. Статья знакомит читателя с песнями, запись которых велась автором на протяжении последних двух лет (2014–2016 гг.) в Новосибирске. Исполнители (Полина Янушевская и Михаил Бульштейн) оказались в Сибири в годы Второй мировой войны; они исполняли песни такими, какими запомнили их с детства (Полина Абрамовна родилась в Одессе, Михаил Борисович – в Днепропетровске). Всего записано около 40 песен.

Еврейская песенная культура представляет собой древнее культурное явление, песни самобытны и уходят корнями в глубокое прошлое. Собранные нами песни нового времени, преимущественно лирических жанров, не являются в большинстве своем контекстно (ритуально) приуроченными и исполняются в той манере, которая «вспоминается» исполнителю.

В статье предпринимается попытка описания и классификации собранного материала при учёте его содержательной и языковой составляющих. При описании материала становится очевидной общая «размытость жанров», уже отмечавшаяся исследователями [Хаздан, 2015]. При определённых оговорках мы выделяем песни-жалобы, песни любовные, песни свадебные, шуточные и танцевальные (последние три можно отнести к одному типу), песни-причитания, рекрутские песни и некоторые другие.

Анализ языковой составляющей также позволил выявить разные типы песен, как то: песни смешанные, песни-аналоги, песни «суржиковые».

Ключевые слова: еврейские песни, идиш, жанровая классификация

Введение. Статья посвящена еврейским песням на идише, запись которых велась автором на протяжении последних двух лет (2015–2016 гг.) в Новосибирске. Полученный небольшой песенный архив (около 40 песен) вряд ли может быть представлен как нечто показательное для современной еврейской песни, так как они были записаны от двух исполнителей¹.

Неослабевающий интерес как к еврейской культуре вообще, так и к идишу провоцирует тот факт, что еврейские песни часто поются популярными исполнителями, и бывает достаточно задать назва-

¹ Нашими информантами были Михаил Борисович Бульштейн (1940 г.р.) и Полина Абрамовна Янушевская (1929 г.р.). Они помнят идиш, могут на нём общаться, читать и писать (для письма используют как кириллицу, так и еврейский шрифт).

Либерт Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: azzugto@ Rambler.ru; тел.: (383) 330-84-69.

ние песни в Интернете, чтобы услышать её исполнение, часто в разных вариантах. То же самое касается песенных текстов². Однако в нашем случае материал был записан от носителей языка – людей, приехавших в Сибирь в годы Второй мировой войны, которые помнят язык своих родителей. Мы предполагаем, что такая ситуация для идиша уникальна.

Еврейский песенный фольклор представляет собой древнейшее культурное явление; песни колоритны, они захватывают внимание своей по-восточному острой и напряжённой мелодикой, сформировавшейся на протяжении многих веков. Традиционные еврейские песни несут в себе традиции семитско-ориентального пения, уходящего корнями в глубокое прошлое [Idelsohn, 1949, с. 24]. В нашем случае речь идёт лишь о малых осколках такой культуры, однако в самобытности каждой песни чувствуется присутствие великого песенного наследия.

Более ста лет назад в Санкт-Петербурге впервые были изданы еврейские песни, собранные в России [Еврейские народные песни в России, 1901]. Авторами была проделана огромная работа по сбору и обработке песенного материала, в те времена богато представленного на территории бывшей Российской империи. На более чем 300 страницах представлены тексты песен и их возможные варианты; впечатляет жанровое разнообразие зафиксированных текстов. Язык, на котором пели евреи, составители обозначают как «испорченный немецкий» или даже «немецко-русский жаргон» [Там же, с. 23]. Собиратели песен видели своей целью фиксацию живого песенного творчества в переломный момент, когда старые, духовно-религиозные ориентиры и прежний жизненный уклад евреев вытеснялся новыми светскими воззрениями и формами жизни. Если раньше основным элементом еврейской песни было её религиозно-духовное содержание, то теперь в ней появляются светские мотивы. Народная песня постепенно теряет популярность, уступая место авторской песне. Большая часть зафиксированного нами материала – песни новейшего времени – могут быть однозначно отнесены к такому позднему фольклору. Горожане поют для своего удовольствия, не преследуя каких-либо ритуальных целей. Это песни, унаследованные от родителей, песни «для души».

Одной из характерных особенностей такого рода исполнения является фрагментарность – поётся то, что вспоминается. Наши исполнители пели и народные, и авторские песни, разные по времени и месту их создания, однако можно предположить, что большая их часть была написана в начале XX в.

Актуальным на данном этапе работы для нас оказывается классификация песен. Концентрируясь в данной статье на содержательном и языковом аспектах, мы отдаём себе отчёт в том, что вопросы, связанные со временем и местом написания той или иной песни, а также подробная характеристика их музыкальной составляющей потребуют отдельного описания.

Характеристика содержательной составляющей песен. В нашем случае речь пойдёт об исключительно лирических песнях (любвные песни, песни-переживания и раздумья). Они не связаны напрямую с тем или иным событием, могут исполняться как в кругу семьи, так и на празднике. Здесь можно выделить следующие группы:

1. Песни **любовно-лирические**, которые часто являются монологами-воспоминаниями, томлением о возлюбленном (*Ikh zits un shpil of mayn gitare* ‘Сижу, играю на гитаре’, *Tayer leben mayns* ‘Дорогой мой’). Это может быть диалог, представленный как дуэт влюбленных (*Vos virstu tun of zo vaytem veg?* ‘Что ты будешь делать в такой дали?’). Основная тема любовных песен, определённая ранее как тема «разбитых сердец» [Еврейские народные песни, 1901, с. 29], остаётся актуальной и в нашем материале.

В качестве примера приведём строки из песни *Vos vestu ton in za vaytn veg?* ‘Что ты будешь делать в такой дали?’ Это песня-диалог, имеющая вопросно-ответную структуру; лирический герой задаёт вопросы своей возлюбленной, на которые она отвечает:

Her nor du, sheyn meydele,

Her nor du, fayn meydele,

Vos vestu ton in za vaytn veg?

‘Послушай, красивая девушка,

Послушай, милая девушка,

Что ты будешь делать в такой дальней дороге?’

Ikh vil geyn in ale gasn,

Ikh vil shrayn: ‘Vesh tsu vashn!’

Abi mit dir tsuzamen zayn.

‘Я пойду во все переулки,

² На вопросах фиксации языкового материала мы уже останавливались ранее [Либерт 2015].

Буду кричать: «Стираю бельё!»
Но только бы быть с тобой’.
Второй куплет разворачивает эту тему, возникает новое вопросно-ответное единство:
Her nor du, sheyn meydele,
Her nor du, fayn meydele,
Vos vestu esn in za vaytn veg?
‘Послушай, красивая девушка,
Послушай, милая девушка,
Что ты будешь есть в такой дальней дороге?’
Broyt mit zalts vil ikh esn,
Tate un mame vil ikh fargesn
Abi mit dir tsuzamen zaun.
‘Я буду есть хлеб с солью,
Я забуду отца и мать,
Но только бы быть с тобой’.

Тематически к этой же группе примыкает широко известная и во многом знаковая для еврейского народа песня *Tumbalalaye* ‘Тум-балалайка’, представляющая собой размышление молодого человека о правильности своего выбора.

2. Значительное место среди лирических занимают **песни-жалобы** (песни с социальной направленностью). Как правило, это размышления о тяжёлой доле, о бедности и несчастьях простых людей (*Kranker shnayder* ‘Больной портной’, *Mazl* ‘Счастье’, *Papirosn* ‘Папиросы’).

Позволим себе небольшой пример – отрывок из песни *Kranker shnayder* ‘Больной портной’, которая рассказывает о бедном и старом человеке за работой в его нищей комнатке:

Di shtub is kleyn, di shtub is alt.
In yeder vinkl vist un noyt,
S-iz finster umetik un kalt,
Un kranker shnayder zitst un neyt.
‘Комната маленькая, комната старая,
В каждом углу – бедность и нищета,
Вокруг – неуютно и холодно,
А больной портной сидит и шьёт’.

Тема страданий бедного портного продолжается в следующем куплете:

Der shnayder neyt, di nodl geyt,
Der muyekh dreyt, s-iz groys di noyt.
Nito kayn broyt!
Nito in shtub kayn broyt!
‘Портной шьёт, иголка движется,
Прялка вертится, как велика нужда.
А хлеба нет.
В комнате хлеба вообще нет’.

Некоторые песни – диалогическое обращение к другу (*Du fregst mir, mayn fraynd* ‘Ты спрашиваешь меня, мой друг’), к бывшему возлюбленному (*Vo bist du geven* ‘Где ты был’), повествующее о тяготах возраста, воспоминания о прожитом. Удельный вес песен с подобной тематикой достаточно велик.

3. Песни, которые могут быть обозначены как **трудовые** – связаны с приготовлением пищи или с выполнением некоей небольшой работы (*Varnitshkes* ‘Варенички’, *Shnayderl* ‘Портной’, *Gefilte fish* ‘Гефилте фиш’).

4. **Песни застольные**, заздравные (*Glezele lekheim* ‘Стаканчик на здоровье’, *Lekheim* ‘Выпьем (на здоровье)’, *Purim* ‘Пурим’).

5. **Шуточные и танцевальные песни** могут быть выделены в отдельную группу (*Oy rebe, rebenyu* ‘Ой, ребе’, *Kiever tramvay* ‘Киевский трамвай’, *Ketzele* ‘Кошечка’, *Itsik khot a khosn* ‘Ицик женился’). Многие из них носят безусловно шуточный характер (*Shpilt zhe mir, klezmorimlekh* ‘Сыграйте же мне, музыканты’, *Az der rebe singt* ‘Когда поёт ребе’). Отрывок из одной такой песни (*Kiever tramvay* ‘Киевский трамвай’) будет приведён ниже.

Некоторые из записанных песен могут быть с трудом отнесены к тем или иным песенным группам, налицо «размытость» жанров; этот факт уже отмечался исследователями [Хаздан, 2015] – например, шуточные песни часто выступают и как танцевальные. Манера исполнения таких песен

характеризуется высокой театральностью. Мы приведём отрывок из известной песни *Az der rebe singt* ‘Когда поёт ребе’.

*Az der rebe zingt, az der rebe zingt,
Zingn ale khasidim, zingn ale khasidim.*

Ay-vay-vay-vay-vay,

Ay-vay-vay-vay-vay,

Zingn ale khasidim.

‘Когда поёт ребе, когда поёт ребе,

То поют все хасиды.

Ай-яй-яй-яй-яй, ай-яй-яй-яй-яй,

Поют все хасиды’.

Az der rebe lakht, az der rebe lakht,

Lakhn ale khasidim, lakhn ale khasidim

A-ha-ha-ha-ha,

A-ha-ha-ha-ha,

Lakhn ale khasidim.

‘Когда ребе смеётся, когда ребе смеётся,

Смеются все хасиды, смеются все хасиды.

А-ха-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха,

Смеются все хасиды’.

Некоторые песни, записанные как единственные, не составляют группы (так, нам удалось записать всего одну колыбельную *Shlof, mayn zonenyu* ‘Спи, мой сыночек’).

Содержательную «пестроту» зафиксированных лирических песен компенсирует малое количество встречающихся в них мотивов, которые, как нам кажется, сводимы к двум основным содержательным сферам³. Первый может быть обозначен как мотив жалобы. Это и жалобы на стеснённое положение и нищету (*Kranker shnayder* ‘Больной портной’), и сетования на возраст, и на то, что всё позади (*Du fregst mir, mayn fraynd* ‘Ты спрашиваешь меня, мой друг’, *Vo bist du geven* ‘Где ты был’), и жалобы на отсутствие счастья (*Mazl* ‘Счастье’, *Vo nemt man a bisele mazl* ‘Где можно взять немного счастья’). Второй – мотив неразделённой любви, мотив «разбитого сердца» (*Ikh zits un shpil of mayn gitare* ‘Сижу, играю на гитаре’).

В целом невозможность, несбыточность, нереализованность чего-либо лежит в основе содержательной составляющей большей части еврейских песен, что придаёт им особую остроту и трагизм.

Характеристика песен с точки зрения их вербальной составляющей. Большая часть записанных песен исполняется исключительно на идише (*Af dem pripechek* ‘Припечек’, *Kranker shnayder* ‘Больной портной’, *Tumbalalayke* ‘Тум-балалайка’). Другие песни поются с чередованием куплетов или строк на двух языках (на идише и русском), как, например, в песне *Gefilte fish* ‘Гефилте фиш’ (название традиционного еврейского блюда): сначала исполняется куплет и припев на идише, затем – на русском языке. По нашему наблюдению, такие песни (часто с куплетами на русском при повторяющемся рефрене на идише) очень любимы не только исполнителями, но и слушателями, которые могут «подпеть», даже не владея идишем активно.

Настоящим образцом языковой игры являются песни «смешанные»⁴, в которых часть (куплет, строка) исполняется на идише, часть – на русском языке. Смешение происходит даже в пределах одной строки: *Kupite, kouft zhe, kouft zhe papirosn* ‘Купите, купите же папиросы’. Такой песенный «суржик» отражает особенности городской еврейской речи.

Составитель уже упоминавшегося нами сборника еврейских песен начала прошлого века шуточно писал: «Есть целый ряд песен, интересных в том отношении, что язык их напоминает Вавилонское столпотворение: жаргонные, древнееврейские, русские, польские и даже литовские слова уживаются рядом, или же в одной и той же песне каждый отдельный стих поется на другом языке» [Еврейские народные песни в России, 1901, с. 22]. Автор отмечает, что возникновение таких песен было возможно в XIX в. в России в местах с низкой концентрацией еврейского населения, а также указывает на то, что большую роль в формировании такого рода творчества сыграли николаевские солдаты, отбывавшие рекрутскую повинность в местах, граничащих с чертой оседлости евреев [Там же, с. 23]. Таким образом, стиль «смешанной» песни можно признать довольно старым.

³ Исключение составляет большой блок песен шуточного характера.

⁴ Наш информант назвал такой язык «суржиком», хотя под суржиком обычно понимается смешение украинского и русского языков.

В таких песнях могут чередоваться слова из двух языков попеременно (как, например, в шуточной песне *Kiever tramvay* ‘Киевский трамвай’), первый куплет и припев которой мы хотим здесь привести:

Vilt ir visn taki khoche,
Vi si loyfn di raboche,
Di raboche loyfn af tramvay.
Menchen eygen af di treplakh,
En mi kimt a eym un kneuplakh,
En mi sugt di vaybl: «Prishivay».
Ba deym tramvay si shteyt di ocheredj tsim shtern,
Tramvay kimt un ole zi kveln,
Un momentalno virt a groser kvitcheray,
Oy, a teater iz mit kiever tramvay!»⁵

‘Вы хотите-таки знать, куда бегут рабочие?
Рабочие бегут на трамвай.
Люди висят на подножке, а домой приходят без пуговиц.
И говорят своей жене: «Пришивай».
Очередь на трамвай стоит до звёзд.
Пришёл трамвай – все радуются.
Моментально начинается давка.
Ох, театр с этим киевским трамваем!»⁶

Как видим, результатом такого смешения становится текст, в котором многочисленные лексические заимствования из русского языка вплетены в ткань текста, грамматически построенного по законам германского языка.

Наконец, некоторые из записанных песен имеют свои параллельные аналоги на русском языке, что позволяет выделить их в отдельную группу (так, песня *Romashkes, landyshn* – русский аналог песни ‘Ромашки спрятались, поникли лютики’, *Nim di shinel* – аналог ‘Бери шинель, пошли домой’ и многие другие). Они также очень любимы и охотно исполнялись нашим информантом (М. Б. Бульштейн).

Список литературы

Еврейские народные песни в России / Собраны и изданы под ред. и с введением С. М. Гинзбурга и П. С. Марека. СПб.: Изд. редакции «Восхода», 1901. 390 С.

Либерт Е. А. Еврейские песни: к вопросу языковой фиксации материала // Языки и фольклор народов Сибири. 2015. Вып. 28. С. 110–115.

Хаздан Е. В. Жанровая структура песенного фольклора ашкеназов: постановка проблемы // Opera musicological. № 4 [26]. 2015. С. 16–47.

URL: http://www.conservatory.ru/files/OM_26_Khazdan.pdf.

Idelsohn A. Z. Jewish music: its historical development. Dover Publications, Inc., New York, 1992. 523 с.

⁵ Подчёркнуты русские слова.

⁶ Записано от М. Б. Бульштейна в апреле 2016 г.

E. A. Liebert

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
azzurro@rambler.ru*

The poetics of the text in ritual sacrifice to the spirits of the Mountains modern Altaians

Folk songs of Russian Jews, an important part of among cultural tradition, cannot very often be heard in modern cities in Western Siberia, mainly due to rather late Jewish migration to this region.

None the less the paper presents a collection of about 40 samples performed by two native-speakers of Yiddish – Michael B. Bulsteyn and Pauline A. Janushevskaya who came to Novosibirsk during the II World War from Dnepropetrovsk and Odessa respectively. Both claim to follow the original way of performance as they know it from their youth.

Distinctly pronounced in the remote past, none of the songs are determined either by an especial situation by ritual reason nowadays and are performed at various occasions in a rather free manner even with a certain elements of stage-playing. Some of the songs exist in Yiddish only; in some others Yiddish and Russian couplets alternate with each other; besides their songs written entirely in Russian-Yiddish mixture known as ‘surshik’ as well as songs translated from Russian (some of them are even believed to be originally Jewish).

In the paper a classification of old and new songs of the basis of subject and linguistic analysis is proposed. On the whole, an oblivious fusion of genre can be noted. Nevertheless the following verities can be distinguished: complains love-songs, wedding-songs, comic-songs, recruit-songs, lamentations and some others. As the language, one may separate: songs in pure Yiddish, songs with Russian-Yiddish alternation, songs written in a Russian-Yiddish mixture, translated songs.

Keywords: Jewish songs, Yiddish, genre classification.

References

Jewreyskiye narodniye pesni v Rossii / Sobrani i izdani pod red. i s vvedeniyem S. M. Ginzburga i P. S. Mareka [Jewish songs in Russia / selected and printed by S. Ginzburg and P. Marek]. SPb.: Voshod, 1901. 390 p.

Liebert E. A. Yevrejskiye pesni: k voprosu yazikovoy fiksazii materiala [Jewish songs: forward to the language transcription of the material]. *Jazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri*. 2015. no. 2 (28). Pp. 110–115.

Hazdan Ye. V. Shanrovaya struktura pesennogo folklora ashkenazov k postanovke problemi [The genre structure of ashkenaze song folklore: on the problem]. *Opera musicological*. № 4 [26]. 2015. Pp. 16–47.
URL: http://www.conservatory.ru/files/OM_26_Khazdan.pdf.

Idelsohn A. Z. Jewish music: its historical development. Dover Publications, Inc., New York, 1992. 523 p.